

Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии

Андрей Зуев, Виктория Слугина

Annalistic accounts on Siberian peoples' *shert'* (fealty to the Tsar) during Ermak's march and the historical realities

Andrey Zuev, Victoria Slugina (both – Novosibirsk State University, Russia)

Многие обстоятельства похода казачьей дружины под предводительством Ермака в Сибирь до сих пор остаются не до конца выясненными. На протяжении уже более двух с половиной столетий историки дискутируют по самым разным вопросам, связанным с этим событием. Основанием для споров являются многочисленные противоречия в так называемых сибирских летописях – по сути, единственных источниках, освещающих поход Ермака, но составленных значительно позже самого похода, в XVII в.

В отечественной историографии неоднократно рассматривались проблемы датировки и соотношения летописей и их разных редакций, делались попытки определения протографов и тех источников, на которые опирались летописцы, выявлялись связи летописных текстов с историческими повестями и сказаниями. По каждой из этих проблем высказываются самые разные, порой противоположные мнения. Дискуссионной остаётся и проблема соответствия летописных известий реалиям второй половины XVI в. и их соотношения с официальной публично-правовой и делопроизводительной документацией, синхронной как походу Ермака, так и появлению летописей. В рамках этой проблемы много вопросов, требующих решения. И одним из них является вопрос: какому времени соответствует содержание той шерты (присяги)¹, по которой ермаковы казаки приводили западносибирские народы «под высокую государеву руку»?

О собственно шертовании «иноязычных» народов, обитавших к востоку от Урала, накануне, во время и сразу после похода Ермака сообщают Новый летописец, Бузуновский летописец, Строгановская и Кунгурская летописи и летописи так называемой Есиповской группы. Из числа последних некоторые исследователи выделяют как самостоятельную летопись Погодинский летописец. Однако следует отметить, что ряд летописных текстов или их редакций, как самостоятельных (Румянцевский и Пустозерский летописцы, Ремезовская летопись), так и вошедших в состав других произведений (например, в «Описание Сибири» Н. Венюкова), а также Синодик, составленный в 1622 г. на основе «казачьего написания», вообще не упоминают о приведении к присяге, в том числе о шертовании. В лучшем случае они сообщают лишь о том, что Ермак «покорил» татар, вогулов и остяков и привёл их в подданство царя. При этом

© 2015 г. А.С. Зуев, В.А. Слугина

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 13-01-00027.

¹ Слово «шерть» является производным от арабского «шэрт» – условие, договор, соглашение (Бережков М. Крымские шертные грамоты. Киев, 1894. С. 4).

из всех сибирских летописей, зафиксировавших информацию о шертовании Ермаком народов разгромленного Сибирского ханства, пространное изложение самих шертей, точнее шертоприводных (шертовальных) записей, содержится только в ряде редакций Есиповской летописи и в Погодинском летописце², в той главе, где речь идёт о поездке в Москву депутации ермаковых казаков с письмом (сеунчем) Ермака, в котором царь Иван IV ставился в известность о «взятии» казаками «Сибирского царства», разгроме Кучума и приведении к присяге (шертованию) татар, остяков и вогуличей. Приведём полностью соответствующие тексты из обеих летописей.

Есиповская летопись основной редакции (ЕЛ): «И счастием царство Сибирское взяша и царя Кучюма и с вои его победиша, под его царскую высокую руку привели многих живущих тамо иноземьцов, тотар, и остяков, и вогуличь, и прочия языцы. И к [шерти] их по их вере привели многих, что быть под его царскую высокую рукою до веку, покамест изволит Бог вселенней стояти, и ясак им давати государю по вся лета без переводу, на русских людей зла никакова не мыслити. А которые похотят к государю в его государскую службу, и тем бы ево государская служба служити прямо, и недругом его государским не спускати, елико Бог помощи подаст, и самим им не изменить, к царю Кучюму и в быные орды и улусы не отъехать, и зла на всяких русских людей никакова не думать, и во всем [правом постоянстве] стоять»³.

Погодинский летописец (ПЛ): «Атаман Ермак Тимофеев с товарищи царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели, а сибирскаго царя Кучюма и с его детми с Алеем, да са Алтынаем, да с Ышимом и съ его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша же. А иноязычных многих людей татар, и остяков, и вагуличь привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку покамест... стояти, и ясак им государю давати по вся годы, а на русских людей зла никакого не мыслить. А которые похотят к государю в его государеву службу, и тем служити его государева служба прямо, недругом его государским не спускать, елико Бог помощи подаст, и самим им не изменить, к царю Кучюму и в иные орды не отъехать и зла никакого на всяких русских людей не думать, и во всем стоять в прямом постоянстве»⁴.

Описание шертования в ЕЛ и ПЛ при всех разночтениях, присутствующих в их редакциях и списках, почти полностью совпадают. Различие, по сути, сводится лишь к упоминанию в ПЛ детей Кучума – Алея, Алтыная, Ишима (Иш-Мухаммеда) и «брата» Маметкула (Мухаммед-Кула)⁵. Следует отметить, что в ЕЛ и ПЛ при описании похода Ермака встречается очень много текстуальных сов-

² Поскольку, как указывалось, по мнению ряда исследователей, в том числе таких авторитетных как Е.К. Ромодановская и А.Т. Шашков, Погодинский летописец является самостоятельной летописью, а не редакцией Есиповской летописи, мы условно выделяем его из летописей Есиповской группы.

³ Здесь и далее шертоприводная запись из ЕЛ цит. по: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 57–58. См. также другие редакции, в том числе в составе Сибирского летописного свода: Там же. С. 73, 74, 78, 85, 93–94, 111, 123, 183, 244–245, 308, 361–363; Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 44–45, 137, 207–208.

⁴ Здесь и далее ПЛ цит. по: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 132–133.

⁵ Маметкул в разных источниках фигурирует то братом, то сыном Кучума. По версии В.В. Трепавлова, он приходился ему племянником (*Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 13).

падений, что породило дискуссию о соотношении двух летописей, времени их появления, их генеалогии и протографов⁶. В связи с этим сразу оговорим, что как сама дискуссия, так и высказанные в её ходе мнения не имеют для нашего исследования принципиального значения, равно как и споры о соотношении прочих летописей и их редакций.

Для нас важно текстуальное совпадение летописных шертоприводных записей. И это совпадение наводит на мысль, что оба текста (либо текст ЕЛ, если признать, что ПЛ является её редакцией) восходят к одному источнику. Упоминание же в ПЛ детей Кучума представляется явной вставкой, разорвавшей единый источник, и, по справедливому замечанию Н.М. Сабельфельд, нарушившей логику повествования и стилистику текста, что привело к логическим повторам⁷. Кроме того, летописная шерть по своей лексике, как верно подметила Е.К. Ромодановская, «находится в несомненной связи с официальным документом»⁸. И это обстоятельство заставляло исследователей искать её документальные «прототипы».

В.И. Сергеев считал, что изложенная в летописях шерть передает «официальную» «шертную грамоту татар, остяков и вогуличей сибирских», сохранившуюся в портфелях А.Ф. Малиновского в копии конца XVIII в. и датированную 1580 г.⁹ Историк опубликовал этот документ, указав на неверность его датировки, но признав, что он относится к временам похода Ермака¹⁰. Как ни странно, историки и литературоведы согласились с тем, что указанный документ является копией реальной «шертной грамоты», которая использовалась в Сибири¹¹. Лишь недавно Я.Г. Солодкин указал, правда, без какой-либо аргументации, на то, что «текст, принятый В.И. Сергеевым и другими исследователями за шертную грамоту, по сути представляет собой извлечение из ЕЛ»¹². С этим следует полностью согласиться. Во-первых, В.И. Сергеев

---

⁶ См.: *Дергачёва-Скоп Е.И.* Генеалогия сибирского летописания. Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000; *Шаишов А.Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России. Вып. 1. Екатеринбург, 1996; *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 181–243; *Солодкин Я.Г.* Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009.

⁷ *Сабельфельд Н.М.* Языковая организация сибирских летописей (на материале текстов группы Есиповской летописи) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. № 9. С. 49.

⁸ *Ромодановская Е.К.* Указ. соч. С. 205, 208; См. также: *Сергеев В.И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 43.

⁹ РГАДА, ф. 197 (Портфели А.Ф. Малиновского), портфель 3, № 95, л. 1.

¹⁰ *Сергеев В.И.* Указ. соч. С. 43, 52–53. Первый раз данный документ был опубликован в 1966 г., но без каких-либо комментариев (Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень, 1966. С. 30).

¹¹ «Царское послание Ермаку известно как по летописным изложениям, так и по самостоятельному списку, по-видимому, использовавшемуся в Сибири в качестве шертной грамоты» (*Скрынников Р.Г.* Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 96, 97). См. также: *он же.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 45, 288; *Ромодановская Е.К.* Указ. соч. С. 205–208.

¹² *Солодкин Я.Г.* Существовала ли «шертоприводная запись» сибирских «иноземцев» московскому государю в начале похода Ермака // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. М., 2012. С. 489. См. также: *он же.* О некоторых спорных вопросах зарождения сибирского летописания (К 375-летию «Повести» Саввы Есипова) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 6. Нижневартовск, 2011. С. 8. Заметим, что в ранее опубликованной статье Солодкин не отрицал, что «шертная грамота» Ермака сохранилась в копии XVIII в. (*он же.* Существовал ли архив Ермака? // Отечественные архивы. 2011. № 1. С. 6).

ошибся, сравнив копию с соответствующим фрагментом из ПЛ¹³. Копия несомненно представляет собой список шерти из ЕЛ¹⁴, оформленный в отдельный документ, который даже получил название «шертной грамоты». Во-вторых, в тексте копии явно присутствуют следы корректуры автора XVIII в.¹⁵: введены слово «держава», отсутствующее в летописях, но характерное для имперского дискурса, и словесный оборот «стоять крепко и непоколебимо», никогда не используемый в сибирских шертоприводных записях. Кроме того, допущена описка во фразе «ясак им давать государю по вся места (в ЕЛ «по вся лета») безпереводно» (здесь и далее курсив наш. – А.З., В.С.). Сделать такую описку мог только тот, кто не был знаком с практикой шертования сибирских народов и взимания с них ясака. Наконец, копия «шертной грамоты» предваряется краткой информацией о «взятии Сибири» Ермаком «с своими товарищами», которая придает самой «грамоте» однозначно характер письма царю Ивану IV в той версии, как это изложено в ЕЛ. Таким образом, документ из портфелей А.М. Малиновского ни в коей мере не является копией той шерти, по которой ермаковы казаки приводили татар, остяков и вогуличей в подданство «всёя Руси самодержцу».

Что же касается самих шертей, изложенных в ЕЛ и ПЛ, то до недавних пор никто из исследователей не высказывал сомнения в их достоверности и синхронности событиям «Сибирского взятия». Так, Е.К. Ромодановская и Р.Г. Скрынников, сравнив версии «летописных» шертей с упомянутой выше «шертной грамотой татар, остяков и вогуличей сибирских», пришли к выводу о первичности текста шерти из ПЛ. При этом Е.К. Ромодановская полагала, что автор ПЛ почти дословно включил в состав своего сочинения «шертную грамоту», с которой он, возможно, познакомился в Посольском приказе¹⁶. Р.Г. Скрынников же пришёл к выводу, что в ПЛ содержатся уникальные известия из утраченного комплекса источников якобы существовавшего «архива» Ермака, хранившегося в архиве Посольского приказа¹⁷. Вполне определённо высказывался и А.Ю. Конев, который, проследив эволюцию сибирских шертоприводных записей (грамот), признал пересказы шерти в летописях редакциями реального документа времен похода Ермака¹⁸.

---

¹³ При сравнении В.И. Сергеев использовал фрагмент ПЛ, опубликованной в 1907 г. как «Есиповская летопись по Погодинскому списку» (Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 281–282).

¹⁴ В копии присутствует фраза «быть им под его царскою высокою рукою до веку, покамест изволит Бог вселенной стояти». Она имеется и в ЕЛ: «быть под его царскою высокою рукою до веку, покамест изволит Бог вселенной стоять». Но в ПЛ вследствие утраты части текста она сохранена неполностью: «им быть под его царскою высокою рукою до веку покамест... стояти».

¹⁵ На это первой обратила внимание Е.К. Ромодановская (*Ромодановская Е.К. Указ. соч.* С. 208).

¹⁶ Там же. С. 208–209.

¹⁷ *Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 96–99; он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 59.* Наличие двух «архивов», составленных из «отпусков» и «отписок» «полковых» казачьих писарей, бывших в отряде Ермака, предполагал В.И. Сергеев (*Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 59*). Гипотетичность доказательств, приведённых Р.Г. Скрынниковым и В.И. Сергеевым в подтверждение наличия «архива», вызвала критические замечания А.А. Преображенского, А.П. Пронштейна и др. Подробный разбор вопроса о «казачьем архиве» осуществил Я.Г. Солодкин, придя к заключению, что «разделяемый некоторыми историками вывод Р.Г. Скрынникова об архиве Ермака... затруднительно признать убедительным» (*Солодкин Я.Г. Существовал ли архив Ермака? С. 7*).

¹⁸ *Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6.*

Лишь недавно Я.Г. Солодкин, сравнив текст главы «О послании ко царю к Москве со[у]нчом» ЕЛ основной редакции с её поздними редакциями (к числу которых он относит и ПЛ), другими летописями, а также с летописными текстами, предшествующими рассказу о казачьем посольстве в Москву, пришёл к выводу, что текст «послания» Ермака царю, как и сам рассказ о поездке сеунщиков, являются «вымышленным обстоятельством», сочинённым либо автором ЕЛ, дьяком Тобольского архиерейского дома Савой Есиповым, либо «преж» него «списавшим» «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тобольске граде». При этом, предположил Я.Г. Солодкин, «сочинитель» мог воспользоваться известной ему и относящейся к его времени подлинной шертовальной (шертоприводной) записью¹⁹. Выводы исследователя основаны лишь на текстуальном анализе летописей, в результате чего они представляются малоубедительными, имеющими характер логической конструкции. Тем не менее Я.Г. Солодкин верно указал на сомнительность информации, содержащейся в «послании» Ермака в той части, где речь идёт о шертовании западносибирских народов.

Категорически отрицает наличие у Ермака «образцов шертных грамот и записей» М.О. Акишин. Правда, при этом он всё же утверждает, что «“Сибирское взятие” Ермака сопровождалось приведением к шерти покорённых народов», и в доказательство приводит текст летописной шерти из ЕЛ²⁰. В итоге читателю самому остаётся решить загадку: если у Ермака не было образцов шертных грамот, то что за шерть изложена в летописях и какое она имеет отношение к Ермаку?

Для ответа на вопрос, является ли летописная шертоприводная запись синхронной походу Ермака, необходимо выявить, насколько она, а также летописные известия о собственно шертовании ермаковыми казаками сибирских «иноземцев», соответствуют историческим реалиям и политико-правовому дискурсу Русского государства второй половины XVI в. В этих целях мы предприняли сравнительный анализ практик приведения к присяге/шерти на верность русскому царю сибирских и других восточных народов с момента первого точно известного случая шертования, апробированного московской властью, до конца XVI – начала XVII в., когда шертование стало нормой в оформлении взаимоотношений Московской Руси и народов Сибири.

Для начала отметим, что факт существования шертоприводной записи (шертной грамоты), которой мог бы оперировать Ермак, не имеет документальных подтверждений, он зафиксирован только в летописях. Причём большинство летописей, рассказывая об отправке казачьего посольства в Москву, либо вообще не упоминают о присяге/шерти (Румянцевский и Бузуновский летописцы, Строгановская летопись, Хорографическая повесть, Описание Сибири)²¹, либо ограничиваются сообщением о том, что Ермак «под державную/царскую руку привел/покорил» «иные языцы» (Пустозерский летописец, Ремезовская летопись)²². А сведения о шертовании, осуществлённом Ермаком, и приведе-

¹⁹ Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах... С. 9–10; *он же*. Существовала ли «шертоприводная запись»... С. 487–492.

²⁰ Акишин М.О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 42. Вып. 5. С. 235.

²¹ Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись... С. 30, 75, 265, 299–300, 375; Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 16, 42, 148, 150, 198, 236, 200; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 39.

²² Летописи сибирские. С. 218; Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская. Тобольск, 2006. С. 180.

нии к присяге пятидесятником Иваном Брызгой, зафиксированные в Бузуновском летописце²³ и Кунгурской летописи²⁴, встречаются исключительно в этих летописях. Кроме того, нельзя не согласиться с замечанием Я.Г. Солодкина о том, что письмо Ермака к Ивану IV, извещавшее о шертовании татар, остяков и вогуличей, было отправлено с сеунщиками до того, как ермаковцы, согласно всем летописям, взялись за покорение татар и обских угров «по реке Иртышу и по Оби великой»²⁵.

Достоверно также неизвестно, знаком ли был Ермак и его соратники до появления в Сибири с практикой шертования и имелся ли у них образец шертоприводной записи. Однако к моменту выдвижения казачьей дружины из вотчин Строгановых в Сибирь шертование как процедура и шертная грамота как документ были уже давно (видимо, с 1474 г.) апробированы в правовом оформлении взаимоотношений правителей Русского государства и правителей тюркских государств и политических образований, возникших на развалинах Джучиева улуса, в том числе Сибирского юрта²⁶.

Эти грамоты являлись дипломатическими актами, оформлялись в результате переговоров и представляли собой де-факто и де-юре двухсторонние договоры, которые, правда, были, как правило, неравноправными: московские великие князья выступали как старшие партнёры, а тюркские правители как младшие, бравшие на себя определённые обязательства по отношению к старшему, и таким образом оформлялся российский протекторат. Общей чертой упомянутых грамот являлось наличие предварительных посольских переговоров, в которых обсуждались условия обязательств, даваемых обеими сторонами. При этом с тюркской стороны к шерти приводились зачастую не только правители (ханы, беки) и знать («сеиты, и уланы, и князи, и мырзы»), но «все земские люди», под которыми следует, видимо, понимать предводителей территориальных общин, либо же послы, находясь в Москве, клялись как полномочные представители всей «своей земли». С момента же включения Казанского, а затем Астраханского ханств в состав Русского государства шертные грамоты приобрели новое значение: в отношении покорённых народов они начали фиксировать не протекторатные (со стороны Руси), а подданнические (со стороны покорённых) связи, и русские власти стремились привести к шерти поголовно всё покорённое население²⁷. Важно также отметить, что шертные грамоты отражали и фиксировали конкретные историко-политические ситуации. Соответственно, они не имели устойчивого формуляра и не были предназначены для стандартизированного оглашения

²³ Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись... С. 299.

²⁴ Ремезовская летопись... С. 248; Летописи сибирские. С. 256.

²⁵ Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах... С. 9; *он же*. Существовала ли «шертоприводная записка»... С. 490.

²⁶ Березжков М. Указ. соч. С. 1, 2, 9. О шертовании сибирского бека Едигера и сибирского хана Кучума см.: ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 285; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 2. М., 1819. С. 63–65.

²⁷ Трепавлов В.В. «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 28–33; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 282–286; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 163–278.

«многим иноземцам», невзирая на их политический статус и этническую принадлежность²⁸.

Однако практика шертования и шертные грамоты ко второй половине XVI в. имели вполне определённый этнополитический ареал распространения – они ограничивались отношениями русских, с одной стороны, тюрок и сильно тюркизированных народов – с другой²⁹. Оформление же так называемой вассальной зависимости (реальной или номинальной) или полного подданства нетюркских народов (точнее говоря, тех народов, которых русские в те времена идентифицировали как не-татар) осуществлялось русской стороной иначе и в соответствии с собственно русской традицией – путём приведения к «правде» или «роте», иногда «к правде и роте» одновременно³⁰. Такая практика имела место в отношениях русской власти в середине XVI в. с нетюркскими народами завоёванного Казанского ханства (чуваши, черемисами и мордвой)³¹ и с севе-

²⁸ См., например, опубликованные шертные грамоты XVI в.: СГГД. Ч. 2. С. 30–34, 64; Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII веках. Симферополь, 1891. С. 23–26; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 168, 189–190, 250–251, 309. См. также: *Мусеев М.В.* Шертные грамоты в русско-ногайских отношениях в XVI в.: виды, формуляр, процедуры заключения // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. М., 2012. С. 409.

²⁹ В 1552 г. к «шерти» на верность царю предполагалось привести обитавших на границах разгромленного русскими Казанского ханства «арских князей» и их «арских людей» (ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 220, 221, 222; Т. 20. Вторая половина. Ч. 2. СПб., 1914. С. 532, 533). В арских князьях и людях исследователи видят либо тюрок (татар и потомков булгар), либо тюркизированных предков южных удмуртов, либо полиэтничную группу населения, состоявшую из татар и тюркизированных удмуртов, черемисов и чувашей (*Котляров Д.А.* Указ. соч. С. 114–115; *Чужаков В.С.* Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // Урал–Алтай: через века в будущее. Уфа, 2005. С. 216–219). Заметим, что ранее, в 1489 г., когда слово «шерть» только вошло в русский политико-правовой лексикон, «арян» («арских людей». – *А.З., В.С.*), как сообщают Никоновская и Симоновская летописи, приводили к роте (ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 221; Т. 18. СПб., 1913. С. 272), поскольку, как полагают многие исследователи, «аряне» в то время были язычниками (Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1958. С. 31; *Котляров Д.А.* Указ. соч. С. 151; *Нафиков И.С., Шакиров Р.К., Нафикова Л.Х.* Арские (каринские) князья и деревня Салауш (Салагыш) Агрызского района Республики Татарстан (исторический очерк). С. 11 (URL: <http://www.bastanovo.ru/wp-content/uploads/2012/05/Арские-каринские-князья-и-деревня-Салауш>; дата обращения 10 марта 2014 г.). Обратим, однако, внимание на то, что в указанном году, согласно Вологодско-Пермской летописи, к роте приводили арских князей и подвластных им «иных агарян» (т.е. мусульман. – *А.З., В.С.*) (ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 279), а по данным Холмогорской летописи – «арских князей и иных татар», т.е. опять же мусульман (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 125).

³⁰ Слово «правда» в XVI в. продолжало сохранять присущее ему ранее широкое полисемантическое значение, смысловым ядром которого являлось понимание правды как образа жизни, соответствующего Божественным заповедям (*Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 3. СПб., 2004. С. 311–316). В контексте приведения к присяге «правда» означала договор и его условия, а также обещание, присягу и клятву на настоящее (без обмана и хитрости) и неукоснительное исполнение «подобавшим образом» (в соответствии с некими непреложными «Божественными» установлениями) взятых на себя обязательств (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 98). «Рота» имела значения «клятва», «присяга», «условия договора» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 221). В указанных значениях «правда» и «рота» были, по сути, синонимами слова «шерть».

³¹ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 165; Т. 20. Вторая половина. С. 482. Правда, в 1552 г. одновременно с арскими людьми (см. выше) царь Иван IV «приказал боярину своему» приводить к шерти «дуговых людей (черемисов. – *А.З., В.С.*) из Як и изо многих мест» (ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 220, 222; Т. 20. Вторая половина. С. 532, 533). Этот факт, зафиксированный в Никоновской и Львовской летописях, мы полагаем возможным интерпретировать следующим образом: автор летописного известия либо по инерции и по аналогии с шертованием арских

рокавказскими правителями, в том числе имевшими тюркские корни³². Следует также заметить, что и в русско-тюркских отношениях на протяжении почти всего XVI в. присяга ханов, беков, их представителей и подданных (крымчаков, казанцев, астраханцев, ногайцев) на верность договору с московским великим князем/царем в русских летописях и документах нередко называлась не только «шертью», но и «правдой» и «ротой», причём зачастую эти слова использовались одновременно и даже взаимозаменялись³³. В отношениях русской власти с нетюркскими народами Сибири шертование долгое время также не применялось. Летописные известия, сообщающие о походах московских ратей за Урал во второй половине XV в., не знают таких слов как «шертование», «шерть», «шертная грамота/запись». Они употребляют другую лексику.

При описании похода В. Скрябы 1465 г. в «Югорскую землю» сообщается, что русские ратники её «за великого князя привели»³⁴. Глагол «привели», который при описании ситуации подчинения чьей-либо власти часто употреблялся в сочетании со словами «шерть», «правда» «рота» (привели к шерти/правде/роте)³⁵, позволяет заключить, что в данном случае речь идёт о приведении «земли» к какой-то присяге великому князю. Во время похода 1483 г. московских воевод «на вогуличи», в «Сибирскую землю» и «на великую реку Обь» уже никакого «приведения за великого князя», если верить летописям, не осуществлялось. Однако после этого похода в Москву весной 1484 г. прибыли «с челобитьем князи вогульские и югорския», и «князь великий за себя их привел»³⁶. Следствием московских переговоров стало заключение Усть-Вымского мира 1484/85 г. между русскими, вымичами и вычегжанами, с одной стороны, и рядом кодских и югорских князей – с другой. Оно сопровождалось исполнением обеими сторонами ритуала принесения клятвы, которое в летописях обозначалось словосочетанием «имали мир», но при этом взятие кодскими и югорским князьями на себя определённых обязательств («им лиха не мыслите, ни силы не чинити никоторые над пермьскими людьми, а государю великому князю правитися во всем») никак не номинировалось³⁷. Очередной поход московских войск в Сибирь против «югры» и «вогулич» состоялся в 1499 г. Большинство летописей, сообщая о нём, рассказывают лишь, что московские воины «всю землю повоевали и в полон розвели розно», и только Никоновская

людей назвал процедуру приведения к присяге «луговых людей» шертованием (луговые люди шертовали вслед за арскими), либо он отразил меняющую реальность, а именно то, что русские власти распространили практику шертования (точнее говоря, сам термин, обозначавший эту практику) на черемисов, не являвшихся тюрками.

³² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 4. М., 1957. С. 5, 27; Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI – XVII в. М., 1997. С. 19, 23.

³³ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 169, 171, 220, 222, 248, 285; Т. 19. СПб., 1903. Стб. 86, 354; Т. 20. Вторая половина. С. 484–486, 532, 533; Памятники дипломатических сношений Крымского ханства... С. 27–29, 32–33; Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 15, 17, 20, 21, 40; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой... С. 106, 128, 143, 149, 161, 195, 198, 201, 204, 239, 250, 255, 260, 262, 284, 325 и др.; Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 196–201. См. также: Березков М. Указ. соч. С. 4.

³⁴ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 91.

³⁵ См. также: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994. С. 108.

³⁶ ПСРЛ. Т. 12. С. 215; Т. 26. С. 276; Т. 33. С. 124; Т. 37. С. 49, 95, 96. Заметим, что данной информации нет в других летописях.

³⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 276–277; Т. 33. С. 125; Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 152; Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. С. 149–150. См. также: Шайков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 592–593.

летопись уточняет: «А иных князей и земских людей *к роте приведоша по их вере* за великого князя». Последнюю информацию подтверждает запись в «Разрядной книге»: «Они же шедша города их поимаша и землю их плениша и их *приведоша к роте по их вере*»³⁸.

В известных документах XVI в. (до начала присоединения Сибири) – жалованной грамоте 1525 г. Василия III «югорской самояди» о принятии их в подданство³⁹, аналогичной грамоте 1556/57 г. Ивана IV «в Юсерскую (Югорскую. – А.З., В.С.) землю князю Певгею и всем князем Сорыкидцкие земли»⁴⁰, грамоте 1572 г. Ивана IV Строгановым о проведении к покорности ряда народов, в том числе «остяков»⁴¹, его же жалованной грамоте 1574 г., разрешавшей Строгановым строительство крепостей «на Тахчеях и на Тоболе реке» и поручавшей им приведение в подданство «остяков, и вогулич, и югрич», его же грамоте 1582 г. Строгановым, предписывавшей среди прочего «отяков (остяков. – А.З., В.С.)» и «вогулич» «в нашу волю приводить по нашему указу»⁴², – ничего не говорится о приведении или необходимости приведения сибирских народов к какой-либо присяге на верность царю – шерти/правде/роте, и, соответственно, отсутствуют сами эти слова.

Единственное, и то весьма неопределённое упоминание о возможном шертовании до похода Ермака какой-то группы остяков содержится в Строгановской летописи (по списку Г. Спасского). В ней сообщается, что в июле 1572 г. черемисы, остяки, башкиры и буинцы побили на реке Каме торговых людей. В ответ Строгановы по указу государя послали своих ратных людей «на ево государевы изменники, кои ему, государю, изменили; они же посланнии их окажных овых побииша, а иных живых взяша и всех *к шерти их приведоша*, что им государю во всем прямить и быти подручным и оброки государю давати и на супротивных супостат государевых стоять за нево, государя, без измены»⁴³. Однако из летописного текста абсолютно непонятно, кого именно из «изменников» (всех или какую-то часть) привели к шерти. Кроме того, в царской грамоте, на которую ссылается летописец, ничего не говорится о собственно шертовании. В ней речь идёт, как отмечалось выше, лишь о приведении к покорности: «А которые будут и поворовали, а ныне похотят нам прямить и правду свою покажут, и вы б им велели говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы их пожалуем, пени им отдадим да и во всем им полегчим, а оне бы нам тем *правду свою показали*, чтоб, своими головами собрався, с охочими ходили вместе воевати наших изменников»⁴⁴. Даже слово «правда» в грамоте явно используется в значении «верности» и «искренности», но не присяги. В связи с этим текст летописи о «шертовании» упомянутых «изменников» вряд ли можно признать адекватно описывающим ситуацию: во-первых, современный событиям источник (грамота 1572 г.) не знает слова «шерть», соответственно

³⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 249; Т. 26. С. 291; Т. 33. С. 133; Т. 37. С. 51, 98; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 56.

³⁹ Обдорский край и Мангазья в XVII веке. Екатеринбург, 2004. С. 11.

⁴⁰ СГГД. Ч. 2. С. 51; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 324–325.

⁴¹ В данной грамоте присутствует слово «правда», но в значении «верности» и «искренности»: «А которые... похотят нам прямить и правду свою покажут... а оне бы нам тем правду свою показали» (Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 332).

⁴² Там же. С. 333, 334, 336.

⁴³ Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись... С. 5–6. Аналогичная информация содержится в Толстовском списке Строгановской летописи (Там же. С. 52). См. также: Летописи сибирские. С. 116.

⁴⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 332.

его употребление в летописном тексте, появившемся много позже 1572 г., является асинхронным; во-вторых, весьма сомнительно, чтобы ратные люди Строгановых, не имея чёткого предписания приводить людей не то что к шерти, но даже к правде или роте, стали бы осуществлять эту процедуру. Исходя из этого, можно уверенно полагать, что сообщение о шертовании «изменников», в том числе остяков, является «творческой» вставкой летописца.

Таким образом, до начала сибирского похода Ермака имеется не более трёх относительно точных свидетельств, причём хронологически локализуемых второй половиной XV в., о присяге «сибиряков» (не тюрок) русскому правителю, в том числе лишь один раз – о приведении их к роте. Собственно шертование и его документальное оформление (шертные грамоты/записи) практиковались в это время, как мы полагаем, лишь в русско-тюркских отношениях. В связи с этим можно уверенно утверждать, что содержащиеся в ряде летописей «сибирского круга» сообщения о приведении сибирских «иноземцев» к «шерти» на верность русскому царю накануне и во время «взятия Сибири» Ермаком не соответствуют как в целом московскому политико-правовому дискурсу, так и, в частности, практике оформления отношений русской власти с сибирскими нетюркскими народами, имевшими место к 1580-м гг.

Это подтверждается и тем, что в сохранившихся официальных документах, предписывавших (распоряжения центральной власти, адресованные в Сибирь) и описывавших (донесения сибирских воевод) процесс подчинения сибирских народов Русскому государству, начавшийся с появления в Сибири первых царских воевод, слова «шерть», «шертовать» и словосочетание «привести/приводить к шерти» впервые зафиксированы в отношении татар (точнее, опять же тех, кого таковыми считали русские) в царском наказе воеводе А. Елецкому 1593/94 г., в царских грамотах 1595 г. тарскому воеводе Ф. Елецкому, тюменскому воеводе Г. Долгорукому⁴⁵ и сургутскому воеводе О. Плещееву); в отношении самоедов и косвенно нарымских остяков – в наказе 1597 г. сургутскому воеводе С. Лобанову-Ростовскому; в отношении вогуличей (Лозвинской и Со-свинской волостей) – в наказе 1598/99 г. тобольским воеводам С. Сабурову и А. Третьякову, а в отношении уже всех сибирских народов – в царской грамоте верхотурскому воеводе И. Вяземскому 1599 г.: «И они б, сибирские князи, и мурзы, и татарове, и остяки, и вогуличи, и *всякие люди* жили в нашем царском жалованье... и нам... служили и прямили во всем по своей шерти, на чом нам, великому государю, шерть дали»⁴⁶. В начале XVII в. слово «шерть» как обозначение присяги сибирских народов на верность царю закрепилось в лексике русских нормативных и делопроизводственных документов⁴⁷. К этому же вре-

⁴⁵ Там же. С. 347, 358, 361–363.

⁴⁶ «Тотаровьям» в грамоте О. Плещееву названы нарымские остяки, или селькупы, которых русские какое-то время не отделяли от собственно сибирских татар. См. также грамоту 1596 г. сургутскому воеводе О. Плещееву: Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 134, 139, 145; *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 4. М., 1901. С. 136; *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 373; Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 2. СПб., 1875. Стб. 64.

⁴⁷ РГАДА, ф. 199, оп. 1, № 133, ч. 3, д. 177, л. 3, 4 об.; д. 178, л. 9, 9 об.; ф. 214, кн. 1, л. 134 об.–137 об.; СГД. Ч. 2. С. 90, 388; РИБ. Т. 2. Стб. 190, 192, 198; *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 389, 411, 413, 414, 415, 418, 419; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г., 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 66, 364; Акты времени междоцарствия (1610, 17 июля – 1613 г.). М., 1915. С. 3–4, 5–6; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Императорской Академии наук (далее – АИ). Т. 3. СПб., 1841. С. 1; *Оглоблин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 3. М., 1901. С. 214; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960. С. 9.

мени относятся первые попытки создания типовых шертоприводных записей, по которым следовало приводить к присяге сибирских мусульман и язычников. Причём образцом для них должны были выступать крестоприводные (крестоцеловальные) записи – присяги православного населения⁴⁸.

Любопытно отметить, что начало собственно шертования сибирских народов хронологически почти совпадало с началом шертования народов Северного Кавказа. Первая точно известная «запись шертная» северокавказских правителей датируется 1588 г.⁴⁹, следующие – 1589 г.⁵⁰ И лишь в начале XVII в. шертоприводные записи стали нормой в отношениях русской власти с северокавказскими правителями.

Следует также указать на тот факт, что почти все сибирские летописи при описании покорения Сибири русскими после похода Ермака до начала XVII в. не упоминают шертование сибирских народов. Исключение составляет лишь Строгановская летопись, одна из редакций которой, показывая значение похода Ермака, сообщает о приведении к шерти «сибирских татар, и остяков, и вогулич» («и тех всех бусормен приведоша к шерти»). В другой редакции той же летописи уточняется, что это шертование проводили воеводы И. Мансуров и Д. Чулков, прибывшие в Сибирь в 1585 г. Среди других сибирских летописей первое упоминание о шертовании содержится в ряде редакций Сибирского летописного свода, датируется 1599/1600 г. и представляет собой краткое изложение сути наказа мангазейским воеводам М. Шаховскому и Д. Хрипунову. Однако некоторые редакции данного свода, сообщая об этом событии, не содержат слова «шерть»⁵¹.

Нет никаких упоминаний о шертовании и вообще о приведении к присяге сибирских народов и в дипломатических документах конца XVI в. (начиная с первого «озвучивания» русской дипломатией «сибирской темы» в 1584 г.) – в наказах русским послам и приставам, которым предстояло вступать в контакты и переговоры с представителями иностранных государств. В них лишь сообщается о том, что население Сибири «учинилось у государя нашего в холопстве»; «добили челом государю нашему и укрепилися крепко»; «и дань давать почали»⁵².

---

⁴⁸ РГАДА, ф. 199, оп. 1, № 133, ч. 1, № 5, л. 19–22; № 19, л. 57; СГГД. Ч. 2. С. 90; Акты времени междоусобия... С. 5–6; Акты времени правления царя Василия Шуйского... С. 66; *Слугина В.А.* Присяги народов Сибири: формулярный анализ шертоприводных записей XVII в. (URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=148>; дата обращения 11 января 2014 г.). В данном случае мы не согласны с М.О. Акишиным, который полагает, что «образцом для шертной записи» стало «жалованное слово», оглашавшееся сибирскими воеводами сибирским же «иноземцам» (*Акишин М.О.* Шертование народов Сибири... С. 236). Практика была прямо противоположной: в «жалованные слова» включались выдержки из образцов шертоприводных записей.

⁴⁹ Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 51–52. См. также: Русско-чеченские отношения... С. 19. Возможно, однако, первая «шертоприводная запись» северокавказских правителей – «Грамота черкаская шертная Ханбулата князя з братьею, и з детьми, и с племянники», – если верить переписной книге дел Посольского приказа 1626 г., относится к 1578 г. (Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 35). Но не исключено, что «посольский» писарь-архивариус мог назвать «шертной» грамоту, которая по своему смыслу соответствовала шерти (присяге), но собственно данного слова не содержала.

⁵⁰ Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 58–60; Русско-чеченские отношения... С. 22, 23, 29, 32, 33.

⁵¹ Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись... С. 44, 45, 92. См. также: Летописи сибирские. С. 174; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 140, 191, 259, 316, 346, 369.

⁵² Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. 1. СПб., 1851. Стб. 922, 1042–1043, 1121–1122; Ч. 2. СПб., 1852. Стб. 466; Памятники дип-

Всё вышесказанное приводит к мысли, что известие о шертовании сибирских народов, зафиксированное в ряде сибирских летописей и их редакциях при описании событий накануне, во время и сразу после похода Ермака, противоречит реалиям времени «Сибирского взятия». Никакой шертоприводной грамоты/записи, оформлявшей приведение ермаковыми казаками, а также воеводами Мансуровым и Чулковым сибирских «тотар, и остяков, и вогуличь, и прочия языцы» к присяге, не существовало. Авторы сибирских летописей (и их протографов) явно использовали более поздние тексты таких записей. Однако к какому именно времени они могут относиться, выяснить вряд ли возможно, особенно учитывая тот факт, что полные тексты шертоприводных записей сибирских народов, датируемые ранее 1640-х гг., историкам пока неизвестны, хотя упоминания о шертовании и краткие пересказы условий шертований часто встречаются в царских наказах сибирским администраторам и в донесениях сибирских воевод и командиров землепроходческих отрядов.

Упоминание в названных выше царских грамотах 1590-х гг. процедуры шертования позволяет предположить наличие уже в это время шертоприводных записей, содержащих перечисление обязательств присягавшего⁵³. В связи с этим укажем на то, что одна из формулировок летописных «шертоприводных записей», фиксирующая «срок» подданства, созвучна аналогичным формулировкам царских распоряжений 1596–1597 гг. Летописные варианты: «что быть под его царскою высокою рукою до веку, покамест изволит Бог вселенней стояти, и ясак им давати государю по вся лета без переводу» (ЕЛ); «что им быть под его царьскою высокою рукою до веку покамест... стояти, и ясак им государю давати по вся годы» (ПЛ). Вариант грамоты 1596 г. сургутскому воеводе О. Плещееву: «что им вперед быти под нашу царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно». Вариант наказа 1597 г. сургутскому воеводе С. Лобанову-Ростовскому: «что им вперед быти под государевою под царскою рукою неотступными и государев ясак платити по вся годы безпереводно»⁵⁴. Но схожие формулировки встречаются и в первой половине XVII в. в царских грамотах, отписках сибирских воевод и воеводских наказах землепроходцам⁵⁵, а также в известных нам самых ранних шертоприводных записях сибирских иноземцев, например: «он по своей вере государю шертовал, что ему под государевою царскою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве вовеки неотступно, и ясак государю... давать учнет по вся годы безпереводно» (шерть братцкого князца Куршуна (Куржума) Бурлаева, 1641 г.)⁵⁶; «шертую по своей вере... быти мне и всему моему

ломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 11, 94; Сборник ИРИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 297; Т. 129. СПб., 1910. С. 414–415; Сношения России с Кавказом: Материалы, извлечённые из Московского главного архива министерства иностранных дел С.А. Белокуровым. Вып. 1. М., 1889. С. 27, 98, 341; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 46–48, 51.

⁵³ Как полагает М.О. Акишин, «правовой механизм приведения в подданство народов Сибири был разработан в Посольском приказе и впервые урегулирован в наказах воеводам в 1590-х гг. В его основе была процедура шертования» (*Акишин М.О.* Международно-правовые основы присоединения Сибири к России: постановка проблемы // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 213).

⁵⁴ Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 139, 145.

⁵⁵ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 380; АИ. Т. 3. С. 1, 221; Т. 4. СПб., 1842. С. 49, 68–69; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1846. С. 261; Сборник документов по истории Бурятии... Вып. 1. С. 9, 52, 84, 103–105.

⁵⁶ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. С. 9.

роду под ево государевою царскою высокою рукою в вечном прямом ясажном холопстве навеки неотступным... и ясак ему, государю... по вся годы платить полной без недобору» («записи шертовальные» тунгусов 1645 г.⁵⁷ и юкагиров 1650/51 г.⁵⁸).

Следует также отметить, что содержащиеся в летописях пересказы шертоприводных записей по своей стилистике, употребляемым словам и выражениям более соответствуют делопроизводственному языку XVII в., а не второй половины XVI в. Кроме того, зафиксированные в летописных «шертоприводных записях» исторические реалии также переносят в XVII в. Так, в ЕЛ используется соционим «иноземцы», который хотя и применялся в отношении сибирских народов во второй половине XVI – начале XVII в., однако в единичных случаях. Активно же в сибирском делопроизводстве он стал употребляться лишь с 1620-х гг.⁵⁹ В ПЛ при описании шертования говорится о том, что «атаман Ермак Тимофеев с товарищи» «сибирскаго царя Кучюма и с его детми – с Алеем, да са Алтынаем, да с Ышимом и с его вои победиша и брата царя Кучюмова царевича Маметкула розбиша же». Как отмечалось выше, эта фраза является вставкой, не соответствующей реалиям похода Ермака: если Кучум и Маметкул в летописях фигурируют как активные борцы с казаками, то Алей впервые появляется на страницах всех летописей уже после гибели Ермака и ухода казаков из «града Сибири», а Алтынай и Ишим вообще не упоминаются среди действующих лиц времен «Сибирского взятия». Зато все три сына Кучума были активными участниками событий на юге Западной Сибири в начале XVII в. – Алей и Алтынай до 1608 г., Ишим до 1624 г.

Та часть «шертоприводной грамоты», содержащейся в ЕЛ и ПЛ, которая фиксирует условия несения «иноземцами» «государевой службы», также концептивно пересказывает соответствующие положения известных нам шертоприводных записей XVII в., большинство которых в свою очередь составлялись на основе крестоприводных (крестоцеловальных) записей, оформлявших присягу царю православного населения. В связи с этим отметим, что в ряде редакций ЕЛ фрагмент шертоприводной записи об условиях службы иноземцев дополняется новыми элементами. Так, в Академической редакции содержится следующее уточнение (выделено курсивом): «А которые из них *мурзы и татарове* похотят ему, великому государю, его царскую служить службу, и им его, великого государя, служити его царская служба прямо и неизменно *по их вере и шертованию, и по кураку* (Корану. – *А.З., В.С.*)». Автор Забелинской редакции вообще использует оборот, явно анахроничный ермаковым временам: «А которые иноземцы похотят в твою, великого государеву, службу, и тех иноземцев в службы ставить и службы им служить без измены прямо, *помня прежнее свое им шертование*»⁶⁰.

⁵⁷ РГАДА, ф. 1177, оп. 3, стб. 645, л. 21.

⁵⁸ Зуев А.С., Слугина В.А. «Служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 188.

⁵⁹ Игнаткин П.С. Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94; Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в. Новосибирск, 2011. С. 82–83.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 111, 362.

Сказанное выше не означает, что Ермак и его казаки не проводили покорённое ими население Западной Сибири к присяге на верность. К данной процедуре их должны были подталкивать логика развития взаимоотношений с местными народами и стремление утвердить свою власть над ними⁶¹. Возможный обряд приведения к присяге описан в Кунгурской летописи, которая, как полагают многие исследователи, составлялась на основе воспоминаний непосредственных участников «Сибирского взятия»⁶²: «И (Богдан Брызга. – А.З., В.С.) приехав в первую Аремзяньскую волость, и городок крепкий взял боем, и многих лутчих мергеней повесил за ногу и розстрелял. И ясак собрал за саблюю, и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя, чтоб им служить и ясак платить по вся годы, а не изменить»⁶³. Практика клятвы на оружии была издавна знакома русским воинам. Использование сабли как элемента обряда присяги было известно и обским уграм (остякам и вогулам)⁶⁴. И даже русские официальные власти в XVII в. включали оружие, в том числе сабли, в обряд шертования⁶⁵.

Не исключено, что те ермаковы казаки, которые до похода в Сибирь контактировали в разных ситуациях с тюрками, могли знать или слышать о практике шертования. Во время самого похода они напрямую столкнулись с такой практикой, когда принимали шерть (присягу) от Карачи, «думного» Кучума. Факт шертования Карачи почти одинаково описывается почти во всех летописях и их редакциях: «Того же году в Сибири приидоша от Карачи к Ермаку послы просити людей, оборонити их от Казачьи орды. И даша на том по своей вере шерть, что никакова зла над ними, казаками, не зделает»⁶⁶. И лишь Абрамовский вид ЕЛ вносит существенное уточнение, приписывая инициативу шертования Ермаку: «приидоша во град Сибирь к Ермаку от думного Карачи послы и прошиша у Ермака людей от обороны их от Казачьей орды. Ермак же слышна словеса их, и велел тем посланцом *на правде* шерть давать, что никакова зла и дурна на государских казаков не мыслить, и в том шерть дали»⁶⁷. Но данное шертование осуществлялось тюрками, соответственно оно вполне вписывалось в обычное для того времени оформление правовых отношений

⁶¹ Зуев А.С. Мотивация действий и тактика дружины Ермака в отношении сибирских инородцев // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 26–34.

⁶² Шапков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 26.

⁶³ Ремезовская летопись... С. 248.

⁶⁴ Фетисов А.Л. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в. // Становление славянского мира и Византии в эпоху раннего Средневековья. М., 2001. С. 113–119; Перевалова Е.В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 120–131.

⁶⁵ Так, в воеводской отписке 1606 г. из Тобольска в Кетский острог, извещавшей о восшествии на престол Василия Шуйского, содержатся следующие указания по проведению процедуры шертования: «А как, господине, учнешь ясачных людей к шерти приводити, и ты б в те поры велел над ними держати сабли» (Акты времени правления царя Василия Шуйского... С. 66). В 1689 г. согласно договору, заключённому между российским послом Ф.А. Головиным и предводителями табунутов, последние должны были приносить присягу следующим образом: «И слушав сих стагей, сайты и шуленги за детей своих и за всех улусных людей дали шерть такову: пицаль целовали в дуло, саблюю собак рубили да тое кровавую саблюю лизали» (Сборник документов по истории Бурятии... Вып. 1. С. 333).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 34, 40, 61, 71, 86, 90, 113, 117, 124, 128, 134, 184, 189, 188, 248, 310, 363; Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись... С. 33, 78, 267, 301, 340, 430; Летописи сибирские. С. 202; Ремезовская летопись... С. 188.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 95.

между тюрками и русскими. Кроме того, шерть Карачи не являлась присягой на верность и подданство. Наконец, весьма важным представляется уточнение Абрамовского вида, которое шерть сочетает с *правдой* – тем наименованием присяги, которое существовало собственно у русских людей во времена Ермака.

Возможным подтверждением того, что в отношениях Ермака с тюрками – сибирскими татарами могло осуществляться шертование, служит краткое изложение шертоприводной записи, встречающееся в одной из редакций Бузуновского летописца: «По сих же (т.е. после «остяцкого князя Бояра». – А.З., В.С.) начаша приходити к Ермаку в город татара со многими дары и запасы и покоряшася Ермаку, он же утверждаше сиих шертованием, что им жить под рукою государевою и во всяком послушании и служить во всякой верности, и ясак платить, и над рускими людьми никакова дурна не мыслить»⁶⁸. Однако это подтверждение вряд ли можно признать убедительным, поскольку ни в какой другой летописи нет информации о шертовании Ермаком татар во время пребывания в бывшей столице Кучума. Даже другие редакции самого Бузуновского летописца при описании приведения татар к присяге не упоминают слова «шертование»: «Он же утверждаше их (татар. – А.З., В.С.) и пиршествво им творяше, чтобы им жить под рукою государевою во всяком послушании, а служить во всякой верности, ясак платить и на руских людей дурно не мыслить»⁶⁹.

Резюмируя вышесказанное, констатируем, что ни Ермак, ни его казаки, ни даже первые сибирские воеводы не могли приводить сибирские народы собственно к шерти. Исключение, возможно, составляли лишь татары (если поверить упомянутой редакции Бузуновского летописца). Но в отношении нетюркских народов, коими являлись обские угры (остяки и вогулы), собственно шертование к 1580-м гг. русскими властями не практиковалось. Однако авторы ряда сибирских летописей или их протографов, возникших уже после «Сибирского взятия», или их более поздние переписчики и редакторы, зная или предполагая, что Ермак «со товарищи» и первые воеводы приводили «сибирян» к какой-то присяге, по аналогии с практикой своего времени назвали её шертью. Исходя из реалий своего времени, когда покорение русскими землепроходцами сибирских иноземцев, как правило, сопровождалось их шертованием на верность русскому монарху, летописцы посчитали, что и ермаковцы, а также воеводы И. Мансуров и Д. Чулков должны были действовать аналогично. Для пушей убедительности авторы ЕЛ и ПЛ даже вставили в текст рассказа о посольстве Ермака к царю Ивану Грозному изложение основных условий шертоприводных записей, относящихся к более позднему времени (не ранее 1590-х гг., а скорее всего, как мы полагаем, второй четверти XVII в.), слегка адаптировав их к обстоятельствам похода Ермака (упоминание Кучума и Маметкула). В то же время многие летописцы, как было отмечено выше, при описании «Сибирского взятия» избежали «модернизации», ограничившись лишь общими фразами о том, что ермаковы казаки привели татар, вогулов и остяков «под высокую государеву руку».

---

⁶⁸ Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись... С. 299.

⁶⁹ Летописи сибирские. С. 198.